

3. Крижанівський А. Осип Курилас / А. Крижанівський – Л.: Західно-український інформаційно-видавничий центр, 2008, – 279 с.

4. Мисюга Б. Красвид у малярстві Галичини першої третини ХХ ст. (традиції та інновації образної мови): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. мист-ва: спец. 17.00.05 «Образотворче мистецтво» [Електронний ресурс] / Б. В. Мисюга. – Л.: 2008, – 18 с. – Режим доступу: <http://www.orgsun.com/avtoreferati-dissertatsii-mistetstvo/1/a307.php>

5. Овсійчук В. Олекса Новаківський / В. Овсійчук. – Л.: Інститут народознавства НАН України, 1998. – 332с.

6. Свенціцький І. Модест Сосенко / І. Свенціцький. – Вид – во укр. молоді Праги, 1927.

7. Семчишин-Гузнер О. Іван Северин. 1881–1964 / О. Семчишин-Гузнер. – Альбом-каталог. – Л.: Каменяр, 2009. – 105 с.

8. Семчишин-Гузнер О. І. Вплив творчої особистості на стилістичну специфіку українського мистецтва Галичини останніх років ХІХ – початку ХХ ст. / О. Семчишин-Гузнер // *Буття у мистецтві*. – Л.: Львівська обл. наук. бібл. ім. В. Стефаніка, 2007. – С. 400–408.

9. Яців Р. Українське образотворче мистецтво, імена, життєписи, твори ХІ – ХХІ ст. / Р. Яців, Я. Кравченко, Н. Козак, І. Голод, О. Михайлюк – Харків: Факт, 2012. – 720 с.

Плахта С. Л. Импрессионизм в искусстве Галичины к. ХІХ – п. п. ХХ в.: мировоззренческий и эстетический анализ
Выделенные характерные черты импрессионизма как особого художественного видения мира. Определена роль и значение непосредственности восприятия мира и пластичности художественного мышления в формировании нового искусства Галичины к. ХІХ - п.п. ХХ в. Раскрыты особенности воплощения импрессионистической эстетики простоты, колористики и принципа гармонии в творческой эволюции А. Новаковского, А. Куриласа, И. Труша, И. Иванца, И. Северина, Т. Вацика и других художников Галичины.

Ключевые слова: импрессионизм, искусство Галичины, свет, гармония, настроение в пейзаже, эстетика простоты

Plahta S. Impressionism in East Galicia art in the end of the ХІХ – the first half of the ХХ century.: the analys of worldvie and aesthetic.

The basic characteristics of Impressionism as a special
УДК 101.1:316(043.3)

artistic vision of the world are determined. The role and of impressionistic immediacy of perception and image creative thinking in the forming of the modern East Galicia art in the end of the ХІХ – the first half of the ХХ century are defined. The specificity of the embodiment of the impressionistic aesthetics of simplicity, coloristic language and harmony in the creative evolution of A. Nowakowski, A. Kurylas, I. Trush, J. Ivantsov, J. Severin, T. Vatsyka and some other artists Galicia are shown.

Keywords: Impressionism, Galicia art, light, harmony, mood in the landscape, aesthetic of simplicity

References

Trush, I 1905, 'Vistava ukrainiskih artistiv', *Artistichnyi Vistnik*. [Artistic Herald], Zoshit 5.

Ivanets, I 2011, *Lyudmila Slavyanska* [Lyudmila Slavic], *Ukrainski mistetski vistavki u Lvovi (1919–1939)*, Institut narodoznavstva NAN Ukrayini, Lviv'.

Krizhanivskiy, A 2008, *Osip Kurilas* [Osip Kurilas], *Zahidno-ukrainskiy Informatsiyno-vidavnicliy tsentr, Lviv'*.

Misyuga, B 2008, *Kraevid u malyarstvi Galichini pershoi tretini ХХ st. (traditsii ta innovatsii obraznoi movi)* [Type of Galicia in painting the first third of the ХХ century. (Tradition and Innovation figurative language)]: autoreferat of dissertation, kandidat nauk, viewed May, 30: <<http://www.orgsun.com/avtoreferati-dissertatsii-mistetstvo/1/a307.php>>

Ovsijchuk, V 1998, *Oleksa Novakivs'kij* [Alexei Nowakowski], Institut narodoznavstva NAN Ukrayini, Lviv'.

Sventsitskiy, I 1927, *Modest Sosenko* [Modest Sosenko], *Vid-vo ukr. molodi Pragi*.

Semchishin-Guzner, O 2009. *Ivan Severin. 1881–1964* [Ivan Severin. 1881–1964], *Albom-katalog, Kamenyar, Lviv'*.

Semchishin-Guzner, OI 2007, *Vpliv tvorchoi osobistosti na stilistichnu spetsifiku ukrainskogo mistetstva Galichini ostannih rokiv ХІХ – pochatku ХХ st.* [The influence of personality on the stylistic specificity of Ukrainian art of Galicia last years of ХІХ – early ХХ century.], *Buttya u mistetstvi., Lvivska obl. nauk. bibl. im. V. Stefanika, Lviv'*.

Yatsiv, R, Kravchenko, Ya, Kozak, N, Golod, I & Mihaylyuk, O 2012, *Ukrayinske obrazotvorche mistetstvo, Imena, zhittepysy, tvori ХІ – ХХІ st.* [Ukrainian Art, names, biographies, works of ХІ – ХХІ century], *Fakt, Harkiv*.

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.

Р. А. Хомелева

Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения

ОБРАЗ ВЛАСТИ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ (опыт реконструктивного анализа)

Проведенный анализ является продолжением научной дискуссии о концепте «русской власти». Исследуются особенности концепта «русская власть» на основе религиозно-философского наследия отечественной философской науки. Необходимость научной реконструкции идеи русской власти, обращает нас к традициям русского духовного философского наследия, чтобы дать объяснение новым смысловым дефинициям российской власти на пути поиска собственной национальной идентичности.

Ключевые слова: русская философия, власть силы, власть насилия, сильная власть, органическая власть, власть любви, соборность, православие, духовность, гуманизм.

Проблема объективно-познаваемой данности русской власти соприкасается и испытывает непосредственное влияние со стороны общественного уклада, культурных традиций, господствующей морали и верований, общественной идеологии и психологии, и как правило, в них обретает свое прочное основание. Образ русской власти, как и русский характер, «соткан из крайностей и противоречий», поэтому феномен власти в русском национальном сознании едва ли не один из самых сложных и загадочных. С давних времен, в силу слабого развития личностного начала, преобладающее значение

здесь имело то, что иногда называют началом «роевым»: потребность объединять и объединяться подобно пчеле, быть частью целого, частью общей судьбы и разделить ее со всеми (Л. Н. Толстой). В этом может быть главная причина той всемирной отзывчивости «русской души», о которой писал в свое время Ф. М. Достоевский.

Именно это начало русского национального характера ставит известные пределы безграничной личной свободе и формирует в личности безусловное уважение к своим национальным героям, политическим лидерам и государственным деятелям, объединяющим народ в его

историческом развитии. Верить власти – значит верить беззаветно. Следовать за властью – значит следовать во всем и до конца. Эта беззаветная и безграничная вера своим вождям всегда отличала русского человека. В одном ряду с этими удивительными свойствами «русской души» совершенно особенное значение имело, да, пожалуй, имеет еще и сейчас, то, что В. Соловьев и Н. А. Бердяев называли «исканием всеобщего блага и всеобщего спасения».

Определение феномена русской власти через образы «власти силы», «власти насилия», «сильной власти», «власти любви» и «органической власти» в учениях русских философов прошлого столетия, позволяет судить о широкой амплитуде противоречивости и максимализма в восприятии и предпочтительного отношения к власти со стороны русского национального самосознания.

а). Образ «власть силы» против «власти насилия»

В противоположность «власти силы», «власть насилия» характеризует волевое состояние общественной организации субъекта власти (Пин 1993а, р. 17) [6, с. 17], которое проявляется в его способности господствовать и подчинять только путем *принуждения и подавления*, не считаясь с реальным сопротивлением объекта власти, его мотивами, настроением и ожиданиями. Именно принуждение является свидетельством силы государства. Последующее за всем этим действие, по терминологии И. А. Ильина, есть «заставление», т. е. обращение к средствам, которые наиболее способны «понудить и пресечь» (Пин 1993б, р. 319–326) [7, с. 319–326]. П. Я. Чаадаев считал, что механизм насилия должен создать в обществе «дисциплину повиновения», что удастся благодаря «традиционному деспотизму, привычки к повиновению, характерному для любого докапиталистического общества». У Н. А. Бердяева, например, можно найти даже весьма возвышенные дифирамбы на эту тему: «государство как механизм насилия само по себе не является злом, но оно связано со злом» (Berdyayev 1991, р. 57) [4, с. 57].

Идея насилия – в давлении на волю человека, безотносительно к тому, является это принудительное давление психическим или физическим актом. Поэтому чаще всего «власть насилия» воспринимается человеком как насилие над его личностью. В подобном, грубом силовом воздействии субъекта власти обычно нет никакого иного содержания, мотива или цели кроме «чистой» (грубой), обнаженной и обоюдоострой, как меч, воли к власти (Alyushin & Pogus 1989, р. 123) [1, с. 123]. «Власть насилия» в этом аспекте есть власть «духа серости и посредственности» (Бердяев). Сопротивление и неподчинение являются естественной реакцией на такое поведение власти (Fonvizin 1907) [15].

Однако условия и средства, при которых власть приобретает или может приобрести то или иное качество принуждения могут быть различными. Оно может быть жизненной необходимостью, т. е. тем, без чего сама жизнь и благо жизни невозможны (Aristotel 1975а, р. 151) [2, с. 151]. «Добродетель вполне может, раз ей даны на то средства, прибегать до известной степени к насилию», поскольку «и насилию присущ элемент добродетели» (Aristotel 1975б, р. 358) [3, с. 358]. Нередко осознание властью собственной выгоды, дает ей *право* на насилие (Monteske 1955, р. 52) [8, с. 52]. В этом смысле взгляды русских философов отличались известным реализмом. Они понимали, что принуждение и насилие есть зло неотделимое от самой сущности государства (Solovev 1990, pp. 677–678; Essays and letters P. Chaadaeva, pp. 221–

222; Berdyayev 1991, pp. 62–63) [11, с. 677–678; 12, с. 221–222; 4, с. 62–63].

Образ «власть силы» в русском национальном самосознании периодически возобновляется в моменты критических поворотов исторического развития России. Причем можно сказать, что этот образ рождается из осмысленной потребности в реальном авторитете власти и ее институтов, прежде всего как антипод понятию «власть насилия».

В отличие от «власти насилия», «власть силы» представляет собой пример конструктивного господства и авторитетного влияния, цель которого не превосходство над другими, не эгоистическая установка на подавление и моральное уничтожение другой личности, а напротив, стимулирование ее развития. Важная особенность «власти силы» в отличие от «власти насилия» состоит в том, что ее реализация всегда происходит в рамках принятой системы ценностей, норм (законов) тем самым она так или иначе может быть санкционирована обществом. Именно это обстоятельство является причиной того, что во все времена власть имела право защищать поддерживающую ее систему ценностей, в том числе и непосредственным применением физической силы.

Наиболее обстоятельный анализ образа «власти силы» мы встречаем в традиции отечественной философской мысли в рамках, прежде всего, идеалистического и религиозно-философского мировоззрения.

Так, для И. А. Ильина, например, образ «власти силы» есть обращение, прежде всего, к ее духовным началам. Духовность, по мнению Ильина, формируется правом, привычкой жить по законам. Именно право должно стать *силой* во внутренней жизни человека, прежде чем стать таковой в его внешней жизни (Пин 1993а, р. 100) [6, с. 100]. Ильин был убежден в том, что право хранит в себе «некий верный масштаб и некое верное правило поведения», которое сохраняет свою верность даже тогда, когда люди не знают и не хотят его знать (Пин 1993а, р. 99) [6, с. 99]. Правовой авторитет власти создает образ социальной справедливости, указывающий и ориентирующий поведение граждан если не на «самое лучшее», то, во всяком случае, на «относительно и объективно лучшее» в данных условиях, в данное время, при данном соотношении различных интересов и политических сил общества.

Как следствие, «строение политической власти» для И. А. Ильина есть сущность не механическая, а духовно определяемая. Он выделяет и рассматривает три момента строения власти, которые зависят и определяются *духом*: (1). «Власть есть сила». Этот постулат И. А. Ильин выводит из онтологического значения понятия «силы», содержащего признаки действительного бытия. «Власть силы» – это единство двух условий: духовного и политического авторитета, внутренней силы и силы внешней. Поэтому понятие «духовного авторитета» И. А. Ильин выражает посредством следующих главных ее установлений: а) власть должна быть *национально – убедительной*, верной русским традициям, истории и культуре русского народа. Такая власть, поддерживая, например, патриотизм, национальную культуру, воспитывая уважение уже к существующим законам, нравам и обычаям, становится «национальным корнем» данной общественной системы, сохраняя присущую ей самобытность на многие века. Это формирует образ – «моя власть»; б) власть должна править по христианским, божьим законам, т. е. быть *религиозно-убедительной*;

в) она должна быть *независимой от иностранного капитала*, влияние которого, в противном случае, будет подрывать ее авторитет; и, наконец; д) она должна быть волевым *центром* страны, поскольку русский народ не имеет, в силу особенностей своего исторического развития, зрелого волевого характера, а потому требует его от своих лидеров (Ilin 1992, p. 318–320) [5, с. 318–320].

Относительно другого понятия «политический авторитет», И. А. Ильин замечает, что этот авторитет достигается путем соблюдения властью своих правовых обязанностей и полномочий, сохранения корпоративного союза и союза полномочных и равноправных граждан, объединенных каким-либо общим интересом или общей целью (Ilin 1993a, p. 87) [6, с. 87], за счет централизации и единоличного правления, которые не мешают развитию и экономическому самоуправлению (Ilin 1993a, p. 191) [6, с. 191].

(2). «*Власть есть воля*». Указание на волю означает, что она несет в себе внутренний психический заряд (энергию), духовный настрой. Если воля слабая – слаба и власть. Высшей формой организации общественной воли является власть, олицетворенная в государстве. И. А. Ильин считал, что народ должен уметь так организовываться, чтобы вкладывать свою волю в эту организацию (Ilin 1993a, pp. 194; 197) [6, с. 194; 197]. Зрелость и прочность государственной воли выступает необходимым условием самоуправления народа. Самоуправление народа без сильной государственной власти – синоним анархии и произвола. И. А. Ильин убежден, что даже проблема демократии есть не столько проблема «лучшего» правления и более совершенного общественного устройства, как принято полагать, а эмпирически наиболее *целесообразная* форма политической организации общества. Целесообразность этой и других политических государственных форм правления (организации государственной власти) определяется совокупностью определенных духовных и материальных предпосылок у каждого отдельного народа, в особенности – уровнем его правосознания (Ilin 1993a, p. 192) [6, с. 192].

(3). «*Власть есть сила воли*». Властвующий должен не только хотеть и решать за других, но и подводить других к согласованному решению. Властвовать – не означает налагать свою волю на волю других. Оно означает добиваться, чтобы это наложение *добровольно* принималось. Отсюда следует, что власть предполагает не любую «авторитетную» волю, а определенную *духовную* высоту, правоту и верность санкционированным обществом законам, нормам права и т. п. (Ilin 1993a, p. 195) [6, с. 195]. Только то, что жизненно и правильно, становится *необходимым* или *ценным* для человека. Следовательно, власть может стать ценностью для каждого. Таким образом, сила властной воли есть способность получить доверие, став ценностью для подчиненных. Причем «сила воли» заключается, прежде всего, в ее духовном «авторитете». Такой авторитет достигается путем соблюдения властью своих правовых обязанностей и полномочий, сохранения «корпоративного союза и союза полномочных и равноправных граждан, объединенных каким-либо общим интересом или общей целью» (Ilin 1993a, pp. 87; 191) [6, с. 87; 191].

В современной интерпретации, «власть силы» понимается не как физическое подавление или волевое принуждение, а как гармонизация и удовлетворение интересов различных социальных групп и слоев

общества, их запросов и нужд, благодаря чему объект сам принимает данную власть, несмотря на то, что сама она есть, по преимуществу, *власть-сила*.

Таким образом, вопрос о силе или насилии стороны власти есть так или иначе вопрос о природе социальной необходимости, законности и справедливости действий и поведения власти в особых, экстраординарных обстоятельствах. В этих обстоятельствах, вопрос только в том, способна ли «власть силы» и в какой мере сохранить духовность, не преступать нравственных принципов данного общества, выходя за пределы которых она превращается в голую власть, грубую материальную силу. Тогда как «гуманизм» власти насилия будет заключаться в причинении как можно меньшего зла, а целью является – сохранение общественного порядка и мира, против хаоса человеческих страстей.

б) Образ «сильной власти» против «власти силы»

Вера в авторитарного лидера, чей ум, знания, опыт в союзе с сильной волей и решительностью, способны при условии поддержки всего мира «пробить» инертность мышления, консерватизм традиций, застой привычного образа жизни и привести к намеченной цели всегда отличала русского человека. Причем особо ценилась способность такой личности увлечь новыми идеями и повести за собой. Как это ни покажется странным, но сочетание подобных качеств объясняется стремлением русского народа к «сильной власти». По сути, «сильная власть» в русском национальном сознании была синонимом «*власти харизмы*» и даже в большинстве своем харизмы воинствующей, с выраженными бонапартистскими наклонностями, способной твердой рукой и если потребуются продолжительное время держать курс в избранном направлении. Доверие к власти в этом случае чаще всего персонифицировалось с конкретным лицом, политиком, государственным деятелем. Эта чувственно-эмоциональная характеристика отношения к власти в национальном сознании, основополагающая любовь к своему вождю, предводителю или политику, выступала важным регулятором властных отношений и была своеобразным эквивалентом ее легитимности в русской традиционной политической культуре (Potestarian: genesis and evolution 1997, p. 181) [10, с. 181]. Здесь любовь как позитивная эмоция и организующий момент отношений властвования и подчинения приобретает характер естественной «технологии», в силу которой «объект» естественным образом управляется, подчиняется и доверяет требованиям власти (В. В. Бочаров) (Potestarian: genesis and evolution 1997, pp. 178–179) [10, с. 178–179]. Образ «легитимной власти», возникающий под влиянием любви (народа к своим правителям и правителя к своему народу), скрепляется сознанием должной зависимости от власти, когда индивид добровольно принимает те социальные нормы, которые устанавливаются властью. Главное здесь, чтобы власть внушала доверие, уважение и соблюдала законы. Интересно в этой связи, например, у Д. И. Фонвизина следующее рассуждение: чтобы казаться добрым государем, «необходимо быть таким, ибо как люди порочны ни были бы, но умы их никогда столько не испорчены, сколько их сердца и мы видим, что те самые, кои меньше всего привязаны к добродетели, бывают часто величайшие знатоки в добродетелях». У него же мы находим и указание на «зыбкость» такой власти: «Если же надеется он (государь) на развращение своей нации столько, что думает обмануть ее ложною добродетелью, сам сильно обманывается» (Fonvizin 1993, p. 14) [14, с. 51].

Именно это и позволяет принять даже авторитарную власть по мотиву не принудительного, а ценностно-заинтересованного подчинения. Таким образом, «Сильная власть» есть власть реального авторитета. Для нее всегда актуальны проблема нравственного выбора, ответственности и личных заслуг.

в). «Органическая власть»

Яркая особенность русской философско-политической мысли в период исторического самоопределения российского общества в начале 20 столетия стала, как известно, проблема духовно-нравственного развития российского общества как соборного организма (Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин и др.).

В концепции «органической власти» судьбоносные проблемы революционно обновляющейся России получили свое культурно-философское осмысление с позиций православной религиозности, соборности и духовно-социальной солидарности. Впервые была обозначена взаимосвязь и соразмерность материального и духовного проявления сущности власти, а также сформулирован главный тезис практической политики: *соподчиненность и иерархия материальных и духовных свойств власти должна показать, что важно менее, а что более, что высшее и что низшее в политической деятельности людей, облеченных властью.*

Органичность власти состоит в присутствии особого жизненного духа или всеобщей жизненной силы всех ее явлений, ориентированной на внутреннее соединение с Богом, проникнутым духом любви (Philosophical and socio-political works Petrashevists 1953, pp. 192; 183; 342; 238–239) [13, с. 192; 183; 342; 238–239]. Для русских философов, задачей новой эпохи являлось уничтожение антагонизма частных интересов и признание глагола любви *общим законодательным началом* для всех межличностных отношений (Philosophical and socio-political works Petrashevists 1953, p. 339) [13, с. 339]. Для русского народа такая общность власти со своим народом всегда представлялась весьма значительной. «Оставляя все тонкие разборы прав политических, воспросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце вопиют единогласно: тот, кто более любим» (Д. И. Фонвизин). В сознании простых людей, любить свой народ, его традиции и служить ему – одно из обязательных качеств политика. Более того, например, С. Л. Франк полагал, что *идея любви и солидарности* для русского народа является *основой его бытия*, которой он живет как целое через чувство связывающей любви и солидарности «Человечество может в пределе стать объектом любви и, следовательно, подлинно конкретным соборным единством либо для того, кто в состоянии конкретно воспринять и любить все народы – каждый в отдельности, – его составляющие, либо же в том религиозном плане всеединства, для которого «несть ни эллина, ни иудея», а есть единый соборный организм Богочеловечества, единый вселенский Человек ...» (Frank 1991, pp. 312–313) [16, с. 312–313]. В этом смысле справедливо утверждение, что любовь распространяется на всю среду человеческого бытия. Заповедь любви – один из тех принципов человеческих отношений, который в контексте определенного «практического средства» и идеала оказывает особенно сильное воздействие на психологию, мировоззрение и поступки людей.

Принцип любви в политике моделирует ценностное отношение к людям, он означает «признание

самоценности» другого человека, его человеческого достоинства, его неповторимой индивидуальности. Способность к такому возвышенному единению человека и человека каким является любовь, особенно у тех, кто идет в политику, по-видимому, должна выражаться в ощущении себя как «благой силы», в способности внутренне «определять себя к добру» (И. А. Ильин), уметь отличать добро от зла, «иметь чистый мотив, побуждающий к лояльному поведению», стремление признавать «духовность другого субъекта, его достоинства и его автономию» (Ilin 1993a, pp. 254–259) [6, с. 254–259]. С точки зрения религиозного сознания, *высшим* проявлением истинной любви всегда была жертва. Поэтому применительно к самой власти деятельное проявление ее любви к людям заключается в ее способности «к *бескорыстному и беззаветному общественному служению, служению на общее благо*». Ее опекающее, защищающее, благотворящее созидующее начало обычно свидетельствует о глубоком, внутреннем *духовном единстве* власти и общества. Согласно С. Л. Франку, только такая соборность как выражение внутреннего, т. е. идущего изнутри, органического единства способно внести гармонию в отношения власти и общества, привести их к согласию, укрепить солидарность (Frank 1991, pp. 304–307) [16, с. 304–307]. *Соборность власти* как признак ее органичности, степень ее духовности, момент ее внутренней цельности, неизбежно делает общие интересы доминирующими над индивидуальными, но эта иерархия интересов есть следствие естественной солидарности людей, а не следствие внешнего принуждения или расстановки классовых сил (Frank 1991, pp. 304; 307) [16, с. 304; 307]. Соборности общественная солидарность как высшая *цель* института власти должны быть результатом внутреннего, *духовного* единения, которое является всегда результатом свободного выбора и самоопределения личностей (Frank 1991, pp. 307–310) [16, с. 307–310]. Справедливо будет сказать, что обращение к идее ненасилия в рамках органической концепции власти выделяет важную ступень в духовно-нравственном развитии общества, хотя и остается по сей день труднодостижимым идеалом. В сознании простых людей, любить свой народ, его историю, отечество и служить им верой и правдой – одно из главных оправданий власти. Иначе говоря, «органическая власть», проникнутая «духом любви», обретает свое внутреннее единство и цельность, свое особенное состояние *соборной* духовности.

По мнению автора данной статьи научное конструирование современного концепта «русской власти», должно заключать в себе не только принципы русского мировоззрения, но и ценности нравственной культуры русского общества, которые, как показывает история, пока еще очень трудно сделать предписаниями, тем более нормами государственной воли.

Библиографические ссылки

1. Алюшин А. Л. Власть и «политический реализм» (поведенческие концепции власти в политической науке США) / А. Л. Алюшин, В. Н. Порус // Власть. – М., 1989.
2. Аристотель. Метафизика: соч. в 4-х томах / Аристотель. – М., 1975. – Т. 1.
3. Аристотель. Политика: соч. в 4-х томах / Аристотель. – М., 1975. – Т. 4.
4. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев // Русское зарубежье. – Л., 1991.
5. Ильин И. А. Наши задачи / И. А. Ильин – Париж-Москва, 1992.

6. Ильин И. А. О сопротивлении злу силой: сочинения в 2-х т. / И. А. Ильин // Ильин И.А. – М., 1993. – Т. 1.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания: соч. в 2-х т. / И. А. Ильин // Ильин И. А. – М., 1993. – Т. 1.
8. Монтескье Ш.-Л. Размышление о причинах величия и падения римлян / Ш.-Л. Монтескье // Ш.-Л. Монтескье. Избранные произведения. – М., 1955.
9. Петрашевский М. В. «Органическая эпоха» / М. В. Петрашевский // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. – М., 1953.
10. Потестарность: генезис и эволюция. – СПб., 1997.
11. Соловьев В. Три разговора: сочинения в 2-х томах / В. Соловьев. – М., 1990. – Т. 2.
12. Сочинения и письма П. Я. Чаадаева / под ред. М. О. Гершензона. – Т. 2.
13. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. – М., 1953.
14. Фонвизин Д. И. Рассуждение о непременных государственных законах / Д. И. Фонвизин // Русская философия собственности. – СПб., 1993.
15. Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России / М. А. Фонвизин, Библиотека декабристов. – Вып. 4. – М., 1907.
16. Франк С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк // Русское зарубежье. – Л., 1991.

Хомелева Р. А. Образ влади в російській національній свідомості (досвід реконструктивного аналізу)

Проведений аналіз є продовженням наукової дискусії про концепт «російської влади». Досліджуються особливості концепту «російська влада» на основі релігійно-філософської спадщини вітчизняної філософської науки. Необхідність наукової реконструкції ідеї російської влади звертає нас до традицій російської духовної філософської спадщини, щоб дати пояснення новим смисловим дефініціям російської влади на шляху пошуку власної національної ідентичності.

Ключові слова: російська філософія, влада сили, влада насильства, сильна влада, органічна влада, влада любові, соборність, православ'я, духовність, гуманізм.

Homeleva R. A. The idea of political power within russian national consciousness (an experience of reconstructive analytical work).

This analytical work represents itself to be the sequential development of scientific discussion over the concept of «Russian political power». The distinguishing features of «Russian political power» concept are being studied on the basis of national religious and philosophical heritage. The necessity for

УДК 930.1

О. Н. Швец

Университет Марии Кюри-Склодовской (г. Люблин)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ ДЖОНА УОТКИНСА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ

Предпринята попытка анализа философско-методологической концепции Джона Уоткинса и оценка перспектив ее прикладного использования в современной исторической науке. Выстроенные параллели позволяют убедиться в актуальности философско-методологических конструкций полувекковой давности. Обращение к концепции методологического индивидуализма Джона Уоткинса и использование ее прикладного аспекта может стать благодатным дискуссионным полем в современном историописании.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, методологический холизм, Джон Уоткинс, философия истории, методология истории, новая история, история культуры.

Временами необходима вдумчивость гений, чтобы обнаружить, выделить и четко сформулировать предполагаемые предпосылки, необходимые для выяснения определенной общественной закономерности.

Джон У. Н. Уоткинс

Историописание в его широком понимании, будучи

scientific reconstruction of the idea of Russian political power brings us to a tradition of Russian spiritual and philosophical heritage in order to give an explanation for the new meaningful definitions of Russian authority, while on the road to find our own national identity.

Keywords: Russian philosophy, the power of force, the power of violence, strong authority, organic political power, the power of love, fellowship, orthodoxy, spirituality, humanism

References

- Alyushin, AL & Porus, VN 1989, *Vlast i «politicheskiy realism» (povedencheskie kontseptsii vlasti v politicheskoy nauke SShA)* [Power and «political realism» (behavioral concept of power in political science USA)], Vlast, Moskov.
- Aristotel, 1975a, *Metafizika* [Metaphysics], Soch. v 4-h tomah, V.1. Moskov.
- Aristotel, 1975b, *Politika* [Politics], Soch. v 4-h tomah, V.4. Moskov.
- Berdyayev, NA 1991, *Filosofiya neravenstva* [Philosophy inequality], Russkoe zarubezhe, Leningrad.
- Filosofskie i obschestvenno-politicheskie proizvedeniya petrashevtssev* [Philosophical and socio-political works Petrashevists], 1953, Moskov.
- Fonvizin D. I., 1993, *Rassuzhdenie o nepremennyih gosudarstvennyih zakonah* [Discourse on the indispensable state laws], Russkaya filosofiya sobstvennosti, St Petersburg.
- Fonvizin, MA 1907, 'Obzrenie proyavleniy politicheskoy zhizni v Rossii' ['Review of the manifestations of political life in Russia'], *Biiblioteka dekabristov*, Vyp.4, Moskov.
- Frank, SL 1991, *Duhovnyie osnovyi obschestva* [Spiritual foundations of society], Russkoe zarubezhe, Leningrad.
- Ilin, IA 1992, *Nashi zadachi* [Our task], Parizh-Moskov.
- Ilin, IA 1993a, *O soprotivlenii zlu siloy* [On the resistance to evil by force], Sochineniya v 2-h t., V.1, Moskov.
- Ilin, IA 1993b, *O suschnosti pravosoznaniya* [On the essence of justice], Sochineniya v 2-h t., V.1, Moskov.
- Monteske, ShL 1955, *Razmyshlenie o prichinah velichiya i padeniya rimlyan* [Thinking about the reasons for the fall of the Roman grandeur], Izbrannyye proizvedeniya, Moskov.
- Petrashkevskiy, MV 1953, 'Organicheskaya epoha' ['Organic era'], *Filosofskie i obschestvenno-politicheskie proizvedeniya petrashevtssev*, Moskov.
- Potestarnost: genesis i evolyutsiya* [Potestarian: genesis and evolution], 1997, St Petersburg.
- Solovev, V 1990, *Tri razgovora* [Three Talk], Sochineniya v 2-h tomah, V.2, Moskov.
- Sochineniya i pisma P. Ya. Chaadaeva* [Essays and letters of P. Chaadaev], V.2.

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.

зависимым от влияния большого количества факторов, всегда становилось предметом широких дискуссий и противоречий. На формирование концепции исторического нарратива непосредственное влияние оказывают такие факторы, как эпоха, мировоззрение историка-нарратора и «заказчика истории», актуальная философско-методологическая парадигма и многие другие факторы. Преобладание того или иного фактора